
Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр.соч.в 8 томах. Том 5. -- М.: Худ.лит., 1954
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 13 августа 2003 года

I

...Настоящее вешнее солнце освещало изрытый ухабами челябинский тракт. Степан шел стороной, выбирая места посуше. Встречные обозы имели самый жалкий вид: не было проезда ни на колесе, ни на полозьях. Воза с кладью сидели по несколько часов то в пропитанном вешней водой снегу, то на голых местах, где чернела земля. Вся беда в том, что вешнее тепло ударило рано, недели за две до благовещенья. Раза два возчики останавливали Степана и просили помочь высадить завязнувший в снегу воз, -- такому рослому мужику стоило только двинуть плечом. Степан молча подходил к телеге, пристраивался поудобнее, напирал плечом и только встряхивал головой -- в нем не было силы... Возчики это чувствовали и с удивлением смотрели на обессилевшего мужика, которым впору было забор подпирать.

-- Да ты это што, дядя? -- галдели возчики. -- Глядеть на тебя, так гору своротишь, а силенки, как у худой бабы.

-- А так... неможется... -- сумрачно отвечал Степан, стараясь не глядеть ни на кого. -- Повредил малость.

-- Да ты дальний, што ли, будешь-то?

-- Нет... Вот тут с трахту повернуть влево, сейчас и наша деревня будет, Морошкина прозывается...

Возчики только переглядывались и качали головами: и влево и вправо от тракта захватила голодовка, значит и мужик обессилел с голоду. Может, сердяга не едал суток трое... А Степан сосредоточенно шагал дальше, чтобы поскорее уйти с чужих глаз: ему было и совестно за свое собственное бессилье и надо было передохнуть. Он действительно ничего не ел уже несколько дней и его пошатывало с голодухи. Идет-идет, а в глазах так и потемнеет, точно кто обухом по голове ударит. Степан выбирал сухонькое местечко, обогретое солнцем, и долго сидел, пока отдыхали ноги и спина. Тяжело ему было, несмотря на весеннее тепло и пригревавшее солнце, так тяжело, точно вот взял бы лег, да и умер... Кроме обозов, навстречу ему то и дело попадались пешеходы, которые с котомками за плечами тащились в город на заработки.

-- Из городу, дядя? -- окликали его мужики.

-- Из городу... -- мрачно отвечал Степан.

-- А не слыхал, милый человек, как насчет работы?

-- Никакой там работы негу, в городе... Задарма шесть недель прошлялся, а вот теперь домой бреду. Надо к пахоте готовиться... Дружно ударила весна-то, а земля не ждет.

-- Это ты правильно... На Егория вешнего только ленивая соха не выезжает в поле. Так работы, значит, не нашел? Ну, такие твои счастки...

-- Да и другие-протчии тоже... Так, из-за хлеба на воду можно колотиться: где дровец наколешь, где снег уберешь с крыши, а чтобы настоящей работы -- не слышно што-то. В городе-то своих работников достаточно...

Все разговоры шли на один лад: о работе, о хлебе, о голодовке. Далеко она прошла, голодовка, -- за Челябу, в степь. Ни хлеба, ни овса, ни сена, ни соломы. Которую скотину прикололи еще до рождества и съели, а лошадей продают совсем даром, да и то не берут. Спрашивавшие мужики смотрели на Степана и не верили, что нет работы; где же ей и быть, как не в городе, где и богатых купцов видимо-невидимо, и господ, и чиновников.